

МАРИНА ХАЛЕЕВА

Время уходит в вечность

ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Марина Халеева

**Время уходит в вечность.
Памяти моей матери**

«Издательские решения»

Халеева М.

Время уходит в вечность. Памяти моей матери / М. Халеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510784-8

Самая большая утрата для каждого человека — это смерть любимой матери. Как пережить случившееся и смириться с мыслью о потере? То, что с нею связывает, навсегда остаётся в сердце, помогая поддерживать её чистый и светлый образ, ведь любить свою маму невозможно перестать никогда.

ISBN 978-5-00-510784-8

© Халеева М.
© Издательские решения

Содержание

Время уходит в вечность	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Время уходит в вечность Памяти моей матери

Марина Халеева

© Марина Халеева, 2024

ISBN 978-5-0051-0784-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время уходит в вечность

*Моей матери Потяговой
Августе Васильевне*

– Господь Отец наш небесный! Услышь моление моё, утоли скорбь и печаль мою о разлучении с горячо любимой матерью моей, отошедшей к Тебе! Не отними от неё милости Твоей и прости ей все прегрешения, помилуй и упокой душу её в Царстве Твоём небесном, где нет ни боли, ни скорби и никакого стенания. Удостой её вечно пребывать в любви Твоей и славить имя святое Твоё. Вечный покой даруй ей, Господи, и сотвори ей вечную память. Аминь.

Я и Господь. Больше никого. И во мне – только память о матери.

Я подхожу к книжному шкафу, где за стеклянной дверцей на полочке среди ярких обложек и Даниных детских поделок – нашего с ним совместного творчества – стоит большая цветная фотография недавно ушедшей в вечность моей дорогой мамы.

Тёплый и ласковый взгляд, каким она и смотрела на меня всегда. Мягкая смущённая улыбка на слегка тронутых помадой губах.

Фотографироваться в день рождения или рядом с наряженной новогодней ёлочкой – давняя традиция нашей семьи.

Фотографии печатались, складывались в многочисленные альбомы в надежде, что выросший, рано оставшийся сиротой Даня, сын моего брата, получит эти альбомы как свидетельство своего всё-таки очень счастливого детства.

С какого бы возраста мы не начинаем помнить себя, наши воспоминания неразрывно связаны с образом матери. Память избирательна, она сохраняет моменты лишь самых сильных и глубоких эмоциональных переживаний, особенно ярких впечатлений детства.

Вот мама учит меня плавать. Я лежу животом на её вытянутых руках и изо всех сил колочу по воде ногами, отчего весёлые брызги разлетаются сразу во все стороны. Мне совсем не страшно: её руки удерживают меня на поверхности, не давая опуститься ниже, к кажущемуся мне далёким песчаному дну.

Я всматриваюсь в нечёткие, слегка размытые изображения на сохранившемся у нас небольшом чёрно-белом снимке и улыбаюсь: сверкают на солнце мои отмытые до белизны пятки, маме же вода достаёт едва до колен!

А вот я гуляю с подружками во дворе около дома. Склонившись над грязной лужей, опускаю в самый её центр кусочек белого школьного мела, выпрошенный у мамы для рисования на асфальте. Огромный бумажный кулёк с этим мелом хранился у нас вместе с продуктами в шкафчике под окном. Маме всегда не хватало кальция, и она покупала мел, чтобы просто его есть.

Мелок медленно набухал, увеличивался в объёме и, потревоженный прутиком, окрашивал лужу в мутный белёсый цвет. Дома восторженно делюсь с мамой своим открытием, но новый кусочек, увы, не получаю...

В своём дошкольном детстве я очень завидовала маме, что она может ездить в транспорте с билетом, который мне по возрасту ещё не полагался. Не утешало меня даже то, что свой билет она всегда сразу отдавала мне. Мы ехали дальше, и я, крепко сжимая его в руке, чтобы не потерять, была, как и все остальные, «обилеченной» пассажиркой.

И вот однажды, возвращаясь из детского сада, мы подошли с ней не к нашей остановке, с которой обычно и уезжали домой, а к той, которая была напротив неё на противоположной стороне дороги.

Я очень удивилась, ведь транспорт от этой остановки шёл в обратную сторону! Мама объяснила мне, что сначала мы с ней проедем до конечной. Это было совсем недалеко, следующая остановка как раз и была конечная.

– Потом автобус развернётся, и мы поедем домой!..

В каждую сторону полагалось брать отдельный билет. Мама сразу купила его у кондуктора, а когда мы поехали обратно, приобрела ещё один.

Так у нас оказалось сразу два билета: по одному на каждую! Я была счастлива, хотя в глубине души, конечно, понимала, что эти билетки – оба мамины и она всё это затеяла только для того, чтобы порадовать меня.

Случались ли когда-нибудь ещё такие чудесные поездки? Не знаю... Наверное, нет, лишних денег в семье никогда не было.

Помню, когда я болела, мама старалась укутать меня потеплее, хотя мне и без того было жарко. Она разрешала мне только иногда взмахнуть одеялом, чтобы немного охладиться.

Один раз, когда я заснула днём, к нам пришла медсестра, чтобы сделать мне укол. Обе, видимо, решили меня не будить. От укола я резко дёрнулась и потянулась рукой к больному месту.

Ничего не понимая со сна, сжала покрепче кулачок и, защищаясь, крикнула:
– Сейчас ка-ак дам!..

В один из дней мама должна была ненадолго уехать на работу, ей там было нужно заполнить какие-то бумаги.

Мне пришлось остаться дома одной.
– Ты поспишь, немного поиграешь, я сразу и приду! – уговаривала она меня.

Вечером отец, кивнув на меня, спросил у мамы:
– Плакала?

Мама ответила:
– Нет, только когда я пришла.
Кому же ещё я могла пожаловаться? Только ей, которая и оставила меня одну!..

Летом она приезжала ко мне на дачу, куда вывозили на отдых наш детский сад. Мы гуляли с ней по берегу небольшого озера. Я вглядывалась в воду, пытаюсь разглядеть на дне пиявок, за которых принимала медленно колышущиеся в воде водоросли.

– Пиявки! Пиявки! – повторяла я, втайне наслаждаясь произношением этого противного и как будто даже немного вре-е-еденького словечка.

Пиявки занимали всё мое воображение, и я тогда почти не обратила внимания на слова мамы, что, когда я приеду домой, – тут я всегда пожимала плечами, рассказывая потом об этом своим подружкам, – меня будет ждать неизвестно откуда взявшийся братик!

Огромной трагедией для меня стало то, что из-за появления в семье маленького ребёнка, а в детский сад нужно было ездить с пересадкой из одного конца города в другой, меня стали оставлять в нём на «круглые сутки».

Это когда в садике проводишь не только целый день с утра и до вечера, но даже ночуешь там! А домой возьмут... лишь на выходные.

Мама приезжала за мной при любой возможности, но как тяжело мне было с ней расстаться на следующее утро!

Дома мы оказывались, когда на улице было совсем темно. Я и поиграть-то как следует не успевала, надо было уже ложиться спать.

Ночь казалась такой коротенькой, будто её совсем и не было, рассвет наступал внезапно и быстро.

Я крепко цеплялась за полы маминого зелёного пальто. Помню, как мне говорила воспитательница:

– Ты так все пуговицы у неё на пальто оторвёшь!

Чтобы успокоить меня, она доставала с полки самую красивую куклу – Красную шапочку, с которой детям играть никогда не разрешали. Но ничто не могло меня утешить, мне нужна была только моя мама.

К чести нашей воспитательницы надо сказать, что она после вечерней смены часто брала меня к себе домой. Ночевала я у Валентины Фёдоровны охотно, все-таки я была дома, а не в саду!

То зелёное пальто мама носила долго. Братик подрастал, нам дали новую квартиру, тоже на первом этаже.

Как-то раз мама отлучилась в магазин. Мы ждали её на кухне. Я читала, положив книгу на подоконник, а брат находился рядом со мной в своеобразном «манеже», который тогда устраивали для детей: на самодельную деревянную табуретку ставилась ещё одна, ножками

вверх, внутрь которой опускался ребёнок. Выпасть оттуда он никак не мог. Перетаптываясь на месте, братик держался ручками за перекладины между ножками и глядел в окно. Табуретку с ним я придерживала рукой.

Чтение моё внезапно прервал громкий плач:

– Мама! Мама!.. – Брат заливался слезами и стучал кулачком по стеклу.

Я посмотрела в окно и увидела нашу соседку, одетую в пальто, очень похожем на мамино, которая остановилась у подъезда с кем-то поговорить. На ней был ещё и платок как у мамы, такого же красного цвета.

Возмущённый малыш не понимал: почему мама так долго разговаривает, не обращая на нас никакого внимания?

Без мамы мы жить просто не могли! Уже взрослый, брат, где бы он ни находился, из любого конца страны непременно приезжал на её день рождения. А она... была с ним до самого конца, до самого последнего его вздоха.

Мама прожила очень нелёгкую жизнь. В шесть лет она осталась круглой сиротой, в голодные военные и послевоенные годы росла в детском доме. Муж, с которым была знакома со студенческой скамьи, оказался жестоким самодуром, а после рождения сына стал ещё и пить, оправдываясь тем, что только так и «закрывают наряды» на стройке, где работал прорабом.

У меня остался в памяти самый первый вечер, когда он начал крушить всё в квартире. Мы троём тряслись от страха, сидя на большой кровати за шифоньером, который отгораживал «спальню» от остальной части комнаты. Мама держала на руках, прижимая к себе, тогда ещё грудного брата.

Утром я собирала с пола наши растоптанные игрушки, среди которых был очень красивый пластмассовый мячик. Один бочок у него был нежно-розовый, а другой – совершенно прозрачный. Внутри был прикреплён маленький зайчик в развевающемся разноцветном шарфике.

Погромы в квартире стали повторяться всё чаще. Каждый вечер мы холодели от ужаса, если отец задерживался на работе и не приходил домой вовремя.

– Значит, опять придёт пьяный, – говорила мама, и мы бежали прятаться, проситься ночевать к соседям по дому, по подъезду, к каким-то его дальним родственникам, жившим в нашем городе, маминым подругам...

Случалось, что мы жили у них подолгу, страшно было возвращаться домой, ведь он стал поднимать руку и на нас с мамой.

Я видела, как отец схватил стоявшую на столе тяжёлую швейную машинку в деревянном футляре и с силой бросил её в маму через всю комнату.

Обычно зимой сушили бельё на верёвке, протянутой через всю квартиру. Это бельё он с остервенением сбрасывал на пол и топтал грязными ботинками.

Как мы заверещали с братом, когда однажды он схватил маму за шею и начал её душить! Только наш крик и остановил его тогда.

И всю жизнь она не могла позволить себе купить сапоги повыше да потеплее, так и ходила зимой в коротких.

От пинка «любимого» мужа на голени образовалась огромная вмятина, над которой нависала деформированная мышца.

Все мы были тогда так запуганы, что сопротивляться или пойти куда-то пожаловаться на него нам даже не приходило в голову! Мы были убеждены, что после этого он нас просто убьёт. А на людях старались держаться настолько независимо, чтобы никто даже и подумать не мог, что нам в семье очень плохо.

После развода, на который мама всё-таки решилась, мы целыми вечерами сидели рядышком на диване, тесно прижавшись друг к другу, и долго-предолго разговаривали.

Вспоминая нашу жизнь, поражались сами на себя: как же мы выносили этот постоянный запредельный ужас и как вообще смогли выжить? Всегда вспоминалось одно только плохое, а чего-то хорошего, светлого – как будто и не было.

А потом лучшие мамины годы и силы ушли на спасение сына, который как раз и заболел в то тяжёлое время. Много претерпела потом от его пьянства и запоев жены, вынынчила внука. Сколько раз заставляла обоих, ничком лежащих на диване: одного в очередном приступе без сознания и рядом другую – совершенно невменяемую!

Каждый вечер шла проверять, в каком состоянии они находятся, можно ли с ними оставить ребёнка, в садик же с утра водила сама.

И по первому зову немедленно мчалась на помощь!

До последнего дня мама была на ногах, не желая докучать нас заботой о себе. После операции на сломанной руке она прожила некоторое время со мной и Даней, но при первой же возможности (в нашем доме из-за ремонта стали отключать то газ, то воду и свет) запросилась к себе и, не желая нас обидеть, говорила:

– Я у вас как в санатории, а там я – до-о-ома!

Конечно, она видела, что наша жизнь в то время была выстроена под режим тяжело заболевшего Дани, находившегося у меня под опекой, которого учителя обучали на дому.

На время проведения у него письменных экзаменов необходимо было предоставить отдельную комнату с письменным столом для него и экзаменатора, в другой – разместить прибывшую комиссию, состоявшую из нескольких учителей и врача.

Мама была так деликатна, что не согласилась провести эти несколько часов у соседей, боясь их стеснить или доставить им какие-либо неудобства своим присутствием, и пролежала тихонечко весь экзамен на устроенной для неё на балконе постели...

И вот последний мамин звонок:

– Мне плохо!

Скорая помощь, объяснившая причину более известным «видно, съела что-нибудь», обычный укол анальгина, кардиограмма, сунутая мне в руку таблетка:

– Дайте ей, чтоб пульс не частил...

Через сутки, в которые мы очень надеялись на улучшение её состояния и которые прошли довольно спокойно, мама потеряла сознание. Снова «скорая». Трое соседских мужчин откликнулись на мой заполошный стук в чёрную темень раннего утра и помогли занести её в машину.

В больнице врачи и медсёстры, и так предельно уставшие после нелегкой ночной смены, быстро и слаженно продолжали свою дежурную работу: анализы, рентген...

– В палату!..

Мама пришла в себя ещё дома. После укола «скорой» ей опять стало легче, она с интересом осматривалась, лёжа на носилках в приёмной, пробовала разговаривать с только что поступившей пожилой женщиной, которую тоже привезла дочь, утешала их, что-то даже советовала, интересовалась у меня, что сказал врач, вызывавший меня из палаты в коридор.

И говорила мне: – Ты знаешь, мне так хорошо сейчас, у меня совсем ничего не болит!.. – Просила причесать, улыбалась. – А за мной уже пришли... Зовут меня! Голос как у тебя! И кофточка серая, с пуговками впереди... Похожа на тебя... И ты знаешь? Они не отсюда, не из этой... организации, что ли... Понимаешь? Не отсюда! Как из другой... школы, что ли? Не знаю, как сказать... Ты видишь, как я плохо говорю, я стала плохо говорить...

– Тебе сделают операцию, и ты будешь говорить хорошо!

А врач сказал, что исход операции будет, скорее всего, фатальным.

Мама ещё говорила, в палату вошла медсестра, чтобы отвезти её на операцию, а я, готовая к уже близкому расставанию, мысленно просила и просила у неё прощения.

В одном стихотворении когда-то читала: «Я знаю, что руки Божьи ласковей даже, чем мамины». Когда мама не может быть рядом с нами, материнской, родительской лаской помогает нам Бог. Помогает через других, определённых для этого Им самим людей.

В тяжёлые для меня дни одну очень распространённую, но, правда, и не самую лёгкую тогда операцию сделала мне врач Людмила Ивановна – мама моего первого выпускника. Во взрослом возрасте я никогда не испытывала такой любви и заботы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.